

поэтического вдохновения), а также его высокая оценка рассказов К. Мэнсфилд и специальная статья, посвященная искусству Киплинг-рассказчика, статья, в которой Моэм не только категорически возражает против традиционного в английской критике 30—50-х годов несправедливого принижения литературной репутации Киплинга, но и оценивает его (не без полемического задора) как «величайшего мастера рассказа в литературе Британии — единственного английского автора, которого с точки зрения искусства рассказа можно поставить рядом с Мопассаном и Чеховым» [7, с. 307].

«Величайшим романом нашего века» Моэм считал «В поисках утраченного времени» Пруста — писателя, к «фанатическим поклонникам» которого он себя относил [7, с. 28]. Из эссе Моэма и его статей о литературе видно, что он специально интересовался теорией и историей едва ли не всех основных литературных жанров. Но особенно знаменательна книга эссе Моэма «Десять романов и их создатели» («Ten Novels and their Authors», 1954), созданию которой предшествовал составленный Моэмом по просьбе редактора американского журнала «Редбук» список десяти лучших, по его мнению, романов мировой литературы, а затем — написание Моэмом предисловий к краткому изложению содержания каждого из этих десяти романов, объединенных американским издателем в одном томе, предназначенном для ознакомления с ними широкого читателя США (1948). Позднее Моэм объединил эти десять предисловий в единую книгу, дополнив ее предисловием, содержащим его размышления о жанре романа, его назначении, сущности и его исторических судьбах и кратким заключением. Десять лучших романов мировой литературы (по оценке Моэма), о которых (равно как и о биографии, человеческого облике и судьбе их авторов) рассказывает его книга, — это «Том Джонс» Г. Филдинга, «Гордость и предубеждение» Дж. Остен, «Красное и черное» Стендаля, «Отец Горио» Бальзака, «Дэвид Копперфилд» Диккенса, «Мадам Бовари» Флобера, «Моби Дик» Г. Мелвила, «Грозовой перевал» Э. Бронте, «Братья Карамазовы» Достоевского и «Война и мир» Льва Толстого (перевод предисловия к этой книге и часть из вошедших в нее статей, переведенных полностью или фрагментарно, вошли в вышедший на русском языке сборник эссе Моэма «Искусство слова») ².

Как видно из списка десяти лучших романов, которые Моэм включил в книгу «Десять романов и их создатели», он, так же как большинство английских писателей-современников — Б. Шоу, Г. Уэллс, Д. Голсуорси, А. Беннет и другие, — высоко ценил русскую литературу. Причем, хотя он не знал русского языка и произведения русских писателей были доступны ему в английских, французских и немецких переводах, его интерес к русской литературе с годами постоянно возрастал и расширялся. Об этом свидетельствует внимание, которое Моэм в названной книге уделил не только произведениям русских писателей второй половины XIX и начала XX в., но и посвященным им книгам английских литературоведов — А. Мода, Э. Симмонса, С. Котелянского и других. И тем не менее Россия оставалась для Моэма — по его собственному признанию — «обратной стороной Луны» [7, с. 21]. Превознося Достоевского, Толстого и Чехова, он как художник остался от них далек. В этом — один из парадоксов его творчества (ср. [9, т. I, с. 497, 630—631]).

По свидетельству Моэма в его записной книжке 1917 г., первым русским романом, с которым он познакомился, был «Анна Каренина». Моэм прочел ее в колледже, еще не подозревая в то время, что сам станет писателем. Впоследствии, когда он перечел «Анну Каренину» «глазами профессионала», достаточно смутное впечатление от первого чтения романа Толстого сменилось более глубоким, но

² Любопытно, что в более ранней статье «Рассказчики» (1939) Моэм, говоря о «полке с двадцатью книгами», которой «хватило бы, чтобы уместить все литературные труды, без которых человек был бы духовно беднее», дает другой вариант перечня романов, которые он поставил бы на эту полку: «Дон-Кихот», «Вильгельм Мейстер», «Гордость и предубеждение», «Красное и черное», «Отец Горио», «Мадам Бовари», «Война и мир», «Братья Карамазовы» и «В поисках утраченного времени» [7, с. 59]. (ср. с. 27).